

Независимые СМИ являются важнейшим элементом гражданского общества

Михаил ФЕДОТОВ, секретарь Союза журналистов России

Я думаю, что если одну правовую рамку наложить на другую правовую рамку, у нас получится камера. Камера эта как раз то, что очень соответствует государственной власти, потому что власть в правовом государстве изначально находится в камере, построенной с помощью права. Идея самообязывания государства, идея самосвязывания государства правом – идея абсолютно разумная, правильная, прогрессивная, перспективная и, если именно это имеет в виду Президент Путин, говоря о диктатуре закона, то его можно только поддержать и те правовые рамки, которые сегодня существуют и создаются для средств массовой информации, как раз исходят из этой идеологии. А именно: средства массовой информации должны быть свободны. Свобода массовой информации – это не право журналистов, а это право человека, потому что, конечно, журналист заинтересован в том, чтобы иметь доступ к информации, но журналист не конечный получатель, а посредник между источником информации и обществом.

И в Законе "О средствах массовой информации" совершенно четко сказано, что журналист есть лицо, выполняющее общественный долг. К сожалению, об этом часто забывают и журналисты, и государственные чиновники, и представители правоохранительных органов и другие.

Журналист есть лицо, осуществляющее общественный долг. И этот долг заключается как раз в добросовестном исполнении своих обязанностей и в реализации своих профессиональных прав. Все эти права и все эти обязанности даны журналисту лишь постольку, поскольку он выполняет этот общественный долг. Постольку, поскольку он несет свою общественную социальную функцию, находится на публичной службе. Не на государственной службе и не на службе у частного лица, на службе у общества. Вот почему так важно разделять бизнес в области массовой информации и журналистику, как свободную профессию, государственную информационную политику и журналистику, как общественную профессию и общественное служение.

К сожалению, эти достаточно ясные позиции совершенно не воспринимаются не нашим государственным аппаратом, не владельцами частных средств массовой информации. Первые считают, что государственные средства массовой информации это их печатные или электронные органы, через которые они вправе проводить свою политику. Если у меня есть газета, а я сейчас веду войну, то моя газета должна поддерживать мою войну. А если я ворую, то моя газета должна поддерживать мое воровство. Ну и так далее. Спрашивается: существует ли разница между журналистикой и пропагандой или, как сейчас называют, пиаром? Вообще пиар изначально понимался как "Public Relations", как связь с общественностью, как средство донести до общественности информацию. Все эти пресс-центры, пресс-службы министерств, ведомств должны как раз и называться "Public Relations Service". Но они понимают свои функции несколько иначе, они понимают "Public Relations" как черную рекламу. Конечно, это не "Public Relations" и самое главное, это не имеет никакого отношения к журналистике.

От журналиста требуются две вещи, только две: правдивая информация и независимый комментарий. Что значит "правдивая информация"? Журналист должен излагать те факты, те сведения, которые им лично добыты и проверены, причем, если оказывается, что в его сведениях есть какой-то пробел, есть какое-то противоречие, есть какая-то неполнота или неточность, то он должен сделать все для того, чтобы нейтрализовать или минимизировать ущерб от этих неточностей, ошибок или пробелов. Это и есть правдивая информация.

Правдивая информация и объективно точная информация – две разные вещи, но я не буду вторгаться в эти философские материи. Гораздо важнее вопрос о независимом комментарии. Что такое независимый комментарий? Независимый комментарий это комментарий, который зависит только от личной точки зрения того журналиста, который выступает в роли комментатора. Пример: я как зритель смотрю выступления ведущего программы НТВ Евгения Киселева. Я – зритель воспринимаю то, что говорит Киселев, как его персональный комментарий. Значит, если комментарий его будет зависимым, например, от Гусинского (который может ему сказать: "Нужно, чтобы ты в сегодняшнем своем комментарии сказал то–то, то–то и то–то, чтобы ты прокомментировал такое–то событие таким–то образом"), то я – потребитель, получаю некачественный товар. Я под видом комментария Киселева получаю комментарий Гусинского. И задача заключается сейчас в том, чтобы дать возможность журналисту Киселеву и всем прочим нашим журналистам не быть рупорами чужого мнения, не быть рупорами чужого комментария, а быть действительно независимыми журналистами в каком бы средстве массовой информации они ни работали.

В действующем Законе "О СМИ" есть определенные нормы, которые дают возможность реализовать эту достаточно утопичную идею. В частности, это норма о том, что редакция средства массовой информации осуществляет свою деятельность в условиях профессиональной самостоятельности, что никто не может вмешиваться в деятельность редакции средства массовой информации, кроме учредителя, который может это делать только в рамках, установленных законом и редакционным уставом. Другое дело, что редакционные уставы на сегодняшний день, как правило, очень мало говорят о тех пределах, которые даны учредителю или владельцу для влияния на редакционную политику. Но отсюда следует только одно: если в уставе ничего о влиянии владельца или учредителя на редакционную политику не сказано, следовательно, ничего ему и не полагается. Но, как показывает практика, на редакционные уставы мало кто обращает внимание, и на сегодняшний день я не видел ни одного редакционного устава, который бы соответствовал требованиям Закона "О средствах массовой информации". Ни одного. С точки зрения Закона "О СМИ" это дефектные, юридически неполноценные документы. А в некоторых случаях эти документы просто поражают. Например, устав открытого акционерного общества "Общественное российское телевидение" полностью соответствует Закону "Об акционерных обществах" и полностью не соответствует Закону "О средствах массовой информации". Другого устава в ОРТ не существует. И я объяснил руководителям ОРТ, что если они сейчас не спохватятся и не исправят эту ошибку, то в конце концов дело закончится тем, что Министерство по делам печати в судебном порядке признает свидетельство о регистрации ОРТ как телепрограммы недействительным, что влечет за собой признание недействительным устава юридического лица и его ликвидацию. Все это возможно. Другое дело, захочет ли Министерство по делам печати выполнить свою обязанность, предусмотренную Законом "О СМИ". Так получилось, что в Законе "О СМИ" говорится о том, по каким основаниям может быть в судебном порядке поставлен вопрос о признании свидетельства о регистрации недействительным, но не говорится о том, что регистрирующий орган обязан при наличии этих оснований поставить такой вопрос в судебном порядке. В результате возникает замечательная ситуация, когда от Министерства зависит: выполнять закон или не выполнять закон. Хочу – выполняю, не хочу – не выполняю и при этом закон не нарушаю.

То же самое мы видим и в нашем избирательном законодательстве, когда избирательная комиссия сама решает: сделать кандидату устное предупреждение и этим ограничиться или снять его с регистрации и так далее. Что хочу, то и делаю. У одного кандидата я признаю существенным недостатком то, что он не указал десять тысяч рублей дохода, а у другого кандидата я признаю несущественным двадцать тысяч дохода и это право избирательной комиссии. Почему? Потому что так построен

закон. Что надо было сделать? Надо было установить, что избирательная комиссия обязана зафиксировать нарушение и обратиться в суд для решения вопроса о том, каким образом в данном случае нужно поступить: сделать предупреждение или снять кандидата с регистрации. Пусть это решает суд, а не избирательная комиссия, которая действует, как мы с вами прекрасно знаем, в очень специфических условиях.

В отношении Министерства по делам печати тоже надо изменить ситуацию таким образом, чтобы Министерство обязано было реагировать на нарушения закона. А уже суд определяет: есть нарушение, нет нарушения, есть смягчающие обстоятельства, отягчающие обстоятельства и так далее. Пусть суд будет конечной точкой любого маршрута при исполнении требований закона. И когда сейчас мы начинаем обсуждать проект Закона "Об основах экономических отношений в сфере массовой информации", то мы как раз стараемся четко использовать идею суда как конечной точки любого конфликта и поэтому в проекте предусматривается, что в случае нарушения закона регистрирующие органы или федеральная комиссия по теле-радиовещанию обязаны обратиться в суд. А суд уже принимает соответствующее решение.

Сейчас Министерство спит и видит, как через Государственную Думу провести поправки к Закону "О средствах массовой информации" с тем, чтобы изменить механизм наложения ответственности на средства массовой информации таким образом, чтобы можно было решением Министерства закрывать неудобные средства массовой информации и лишь потом можно было это решение обжаловать в судебном порядке. Но возникает целый ряд вопросов, как чисто правовых, так и практических. Например: Министерство закрыло газету. Газета не выходит, рекламы нет, денег нет, но газета, тем не менее, начинает судиться с Министерством. Ну и судится. Сколько у нас идут гражданские суды? Сколько тянутся? Год, два, два с половиной, три, ну и через три года, предположим, суд выносит решение о том, что Министерство нарушило закон, закрыв эту газету, закрытие было незаконным. Дальше что? Дальше возмещение убытков? Да, редакция требует возмещения убытков, но суд считает, что возмещать убытки незачем. И все. Ваша газета уже умерла и даже то, что суд признал недействительным свидетельство о смерти газеты, не дает возможности вам ее оживить, она не вернется к жизни. Это, казалось бы, небольшая коррекция Закона "О СМИ" чревата очень большими опасностями, потому что тогда будет полнейший произвол в сфере массовой информации.

Еще одно. Любимая тема Министерства по делам печати сегодня – лицензирование газет и журналов. При этом они ссылаются на Закон "О лицензировании отдельных видов деятельности". В этом законе говорится о лицензировании издательской деятельности, но дело заключается в том, что существует еще с 1990 года "Временное положение об издательской деятельности в РСФСР". Этим временным положением предусмотрено лицензирование издательской деятельности, и эти лицензии с 1990 года выдаются Министерством по делам печати. Я очень хорошо знаю это положение, поскольку сам его писал, и это положение предусматривает, что необходима лицензия для осуществления издательской деятельности, включая издание книг, брошюр, открыток, газет, журналов и так далее. Что отсюда следует? Что если вы создали издательство, которое будет выпускать газеты, издавать газеты, то вы должны иметь издательскую лицензию. Например, издательство "Пресса", бывшее издательство "Правда". На его базе печатаются газеты: "Российская газета", "Трибуна", "Советская Россия", "Комсомольская правда" и ряд других. Соответственно, издательство "Пресса" должно иметь издательскую лицензию, но должна ли издательскую лицензию иметь редакция газеты "Комсомольская правда"? Нет, не должна, потому что ее лицензия – это регистрация средства массовой информации в соответствии с Законом "О СМИ". Нельзя требовать, чтобы была еще какая-то дополнительная процедура, это противоречит Закону "О средствах массовой информации", поскольку в нем говорится, что недопустимо чинить препятствия выпуску законно зарегистрированного средства

массовой информации.

Если вам говорят: "Вы сначала получите лицензию, а потом будете издавать свою газету", то это превращает акт регистрации средства массовой информации в пустую юридическую формальность, и тогда механизм приостановления, прекращения деятельности средств массовой информации, прописанный в Законе "О СМИ", теряет всякий смысл.

Кроме того, согласно нашей Конституции, акты международного права, международные договоры, к которым Российская Федерация присоединилась, имеют высшую юридическую силу по сравнению с актами внутреннего законодательства. В этой связи я сошлюсь на статью десятую "Европейской конвенции по правам человека", в которой говорится о свободе информации и свободе средств массовой информации. В этой статье указывается, что ничто в настоящей статье не препятствует государствам – членам Совета Европы вводить разрешительный порядок в отношении телевизионных радиовещательных и кинокомпаний. Этим список возможных лицензируемых видов деятельности в сфере массовой информации исчерпывается. Можно лицензировать радио, можно лицензировать телевидение, можно лицензировать кинокомпании, нельзя лицензировать ни газеты, ни журналы, иначе это будет прямым нарушением "Европейской конвенции по правам человека".

Таким образом, в случае, если Министерство все–таки надумает этот механизм запустить дальше, оно получит достаточно ясную отповедь со стороны суда, причем даже необязательно Конституционного суда, потому, что неконституционность акта может рассматриваться и обычным судом. Я хотел бы еще сказать о том, что как раз Закон "О средствах массовой информации", который действует с 1991 года, и его предшественник – Закон СССР "О печати и других средствах массовой информации" 1990 года, как раз создали основу для того, чтобы средства массовой информации были одним из ключевых элементов в структуре гражданского общества в нашей стране.

И сегодня, когда мы смотрим на структуру гражданского общества, мы видим, что именно независимые средства массовой информации являются очень важным элементом гражданского общества, а взаимосвязь между СМИ и другими элементами гражданского общества заключается, на мой взгляд, во–первых, в объективной необходимости взаимной поддержки. Средства массовой информации без поддержки структур гражданского общества рискуют оказаться перед лицом таких серьезных опасностей, как нападки со стороны государства и нападки со стороны заинтересованных групп. С другой стороны, структуры гражданского общества без поддержки средств массовой информации рискуют остаться просто в абсолютной неизвестности. Вот эта объективная потребность, к сожалению, не очень понимается журналистами. Когда представители третьего сектора, представители НГО жалуются на то, что средства массовой информации уделяют им очень мало внимания, журналисты говорят: "А мы сами имеем право выбирать, о чем нам писать, что нам снимать и кого нам показывать". Это так, но просто нужно понимать, где заключен объективный интерес, в чем может быть взаимная польза как средствам массовой информации, так и негосударственным организациям.

Я надеюсь, что проект Закона "Об основах экономических отношений в сфере массовой информации", который в этом месяце был представлен общественности (он есть на сайте Союза журналистов России, с ним можно познакомиться в ряде журналов), вызовет в обществе оживленную дискуссию. Хотя нужно быть готовым к тому, что владельцы крупных медиа–холдингов могут выступить категорически против этого законопроекта, увидев в нем опасность для своих интересов. Конечно, такая опасность существует. Конечно, ловить рыбу в мутной воде гораздо легче, чем в

прозрачной, чистой воде, но общество заинтересовано в том, чтобы вывести отношения в сфере массовой информации, в полном смысле слова, на чистую воду, и тогда все встанет на свои места, и тогда будут единые правила игры для всех – для государственных и негосударственных СМИ, и тогда мы действительно будем иметь нормальные, цивилизованные отношения в данной сфере.

Однако надо иметь в виду, что проект Закона "Об основах экономических отношений в сфере массовой информации" регулирует только экономические отношения. Что касается этических проблем, то здесь должны быть задействованы механизмы саморегуляции.